

Идеи и жизнь

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА В СРЕДНЕЙ ЕВРОПЕ

Реорганизация сельского хозяйства в Средней Европе, происходящая на наших глазах, приобретает исключительное значение благодаря тенденциям Италии, Германии и Чехословакии настолько развить свое зерновое хозяйство, чтобы при нормальном урожае впредь не нуждаться в привозе иностранного хлеба. Политика самоснабжения, проводимая немцами и чехами, в отношении большинства аграрных продуктов, дѣлает необходимым создание социально-устойчивого и экономически крепкого крестьянства, что вряд ли может быть достигнуто без государственного вмешательства и перехода болѣе зажиточных крестьян к какой-либо формѣ связанного землевладѣнія. С другой стороны, реарганизация Германии, Чехословакии, Австрии и Италии вызывает структурныя измѣненія в крестьянском хозяйствѣ Юго-Востока, теряющего в годы нормального урожая свой собственный сбыт зерна, и это в период коренной реконструкціи мирового хозяйства, характеризуемой небывалым ростом производительности труда и развитія аграрных суррогатов. Переворот в сельском хозяйствѣ Центральной Европы начался в 1930 году, и принял угрожающія размѣры осенью 1933 года, когда Германия и Чехословакия перестали нуждаться в импортѣ иностранного хлеба, а Австрія и Италия вступили на путь автаркіи в области производства зерна. Отсюда необходимость для Венгрии и балканских стран понизить зависимость своего крестьянства от мирового рынка и внести плановое начало в земледѣльческое хозяйство, в дѣлах форсирования производства тѣх продуктов, которые еще находят сбыт в промышленных странах Центральной Европы.

Планомѣрное развитіе сельского хозяйства в Германии, потреблявшей в три раза больше иностранного зерна, чѣм Австрія и Чехословакия виѣстѣ взятыя, является одним из важнѣйших фактором, осложняющих кризис на Юго-Востокѣ Европы. К тому же побѣда расистской идеократіи в Германии, увеличившая ея имперіалистическій напор, ускорила процесс возстановленія сельского хозяйства в Чехословакии и Австрии, и повлекла за собой ряд реформ в аграрной политикѣ, подчеркивающих значеніе плановаго начала и связанных форм землевладѣнія, что уже начинает сказываться в Венгрии и на Балка-

нах. За­мѣчается повсемѣстное возникновение новой идеологии. Стремление добиться само­достаточности в области производства зерна и фуража заставляет виднѣйших специалистов по вопросам аграрной политики Третьяго Рейха, в лицѣ, на­примѣр, Дарра и Виликенса, чрезвычайно высоко оцѣнивать экономическую и социальную роль крестьянина. Некрупный, но крѣпкій землевла­дѣлец, контролируемый и опекаемый государством на правах «ленного» собственника, рисуется им в качестве «основного устоя нации» и кормильца родины. Почти то же настро­ение замѣчается в Чехословакии и Австрии, гдѣ сельское хозяйство сдѣлало за послѣдние годы столь значительные успѣхи, что политика самоснаб­женія нации стала лозунгом широких масс населения. Слѣдует отмѣтить, что нѣмецкая теорія о значеніи крестьянства в качестве резервуара нации, весьма распространенная на Балканах, нерѣдко замѣняется в Чехословакии идеалистическим уче­ніем о скромном труженикѣ на землѣ, способном поставить на мѣсто городской плутократии мужицкую демократію в духѣ «зеленого интернационала», отвергающаго, на ряду с классовою борьбой, и всякую политическую диктатуру. Идеализация крестьянства в промыш­ленных странах Средней Европы является своего рода «идеологиче­ской падстройкой» над новыми производственными отношеніями, возникшими не только под вліяніем мірового аграрнаго кризиса, но и по причинѣ искусственной автаркизации національных хозяйств. Идеоло­гія «мужицкаго царства» в таких цивилизованных странах, как Гер­манія, Австрія и Чехословакія, гдѣ лишь 29, 38 и 36 процентов насе­ленія занято сельско-хозяйственным трудом, не может быть продик­тована какой-либо духовной связью интеллигенціи с отсталой и пас­сивной деревней. В ином положеніи находятся аграрныя страны Цен­тральной Европы, в которых крестьянство составляет около 60 про­центов населения (как в Венгрии и Польшѣ), или около 80 процентов, как в Югославіи, Румыніи и Болгаріи. Здѣсь идеализация крестьянства освящена вѣковой традиціей, и гегемонія городов нерѣдко осуще­ствляется государственными дѣятелями, сохранившими тѣсную связь с основной земледѣльческой массой населения. Впрочем, и тут замѣ­чается разница — в зависимости от того, насколько правящій слой связан с крестьянством. Так, в Венгрии и Польшѣ, гдѣ сохраняется крупное землевладѣніе, идеализация крестьянства не встрѣчает такого отклика в научном мірѣ, как это имѣет мѣсто на Балканах. В частно­сти в Югославіи вѣра в «геоцентрической закон» физиократов является отличительной чертой лучших трудов по вопросам аграрной полити­ки. Стоит, на­примѣр, взять извѣстные труды хорватских экономистов Отто Франгеша и Милана Ившича, чтобы в этом убѣдиться. Так Ив­шич пишет: «Экономически сильное и физически здоровое крестьян­ство образует основное ядро любой нации; новую свѣжую кровь мож­но найти только в деревнѣ; внѣ крестьянской культуры не существует

городской цивилизации; только крестьянство поставляет здоровых новобранцев и сдерживает революционные движения». Так же думает и Франгеш: «Крестьянство явится решающим фактом при будущей территориальной и духовной реорганизации современной Европы. Крестьянин, как стержень нации, служит вечным источником материальных и духовных ценностей, выражая национальную сущность народа». 1)

Все же было бы ошибочно полагать, что в научном мире Югославии и других стран Средней Европы имеется единодушие по вопросу о социальном значении крестьянства. В частности в Германии оспаривается существование особой самобытной крестьянской культуры, не затронутой национальной культурой, сложившейся в городах под влиянием обще-европейской цивилизации. В этом отношении показательно расхождение во взглядах крупнейших идеологов Третьего Рейха Освальда Шпенглера и Карла Шмитта. В одной из недавних своих работ Шпенглер пишет: «Крестьянин независим от культуры, которая гнездится в городах; он никогда не мѣняется, бессознательно воспроизводя свой тип и сохраняя свои навыки и свою связь с землей. Душа земледельца мистична, но разум его сух и практичен. Крестьянство является источником нации, хотя и лишено творческой силы и политического влияния на горожан». В отличие от Шпенглера, отрицающего духовную связь между городом и деревней и вѣщающего в «вечный тип» крестьянина, К. Шмитт пытается разрушить «мне о вечном мужикѣ» и настаивает на городском происхождении культуры и цивилизации. Правда, он признает наличие особой «крестьянской культуры», но подчеркивает ее производный характер и рассматривает историю деревни как вѣковой процесс консервирования городских навыков. 2) Нам думается, что различное толкование социальной природы и исторической роли крестьянства, наблюдаемое в научной литературе Германии и Югославии, объясняется двойственным характером нѣмецкого и балканского крестьянина, сочетающего жажду городских технических знаний с глубоким внутренним отталкиванием от современных форм цивилизации. Земледelec как бы остается «вечным мужиком» и даже влияет на национальную культуру города, но постепенно попадает в водоворот технического прогресса и утрачивает свои навыки и свою материальную независимость. Знатор южного славянства, нѣмецкий экономист Вирзинг, характеризует описываемый нами процесс слѣдующими словами: «В Юго-Восточной Европе замѣчается столкновение крестьянства с техникой. От результата этого столкновения зависит будущее Балкан. Если крестьянство не най-

1) См. Otto von Franges, *Das Problem des Bauern in Europa*. Reale Academia d'Italia. 1933; M. Ivsic, *Les Problèmes agraires en Yougoslavie*. Paris. 1926.

2) См. Schmitt, Karl, *Der Mythos vom ewigen Bauern*. Europäische Revue. 1929. S. 517 ff.

дет новых юридических и экономических форм общежитія, дающих ему возможность освоить технику, то балканская деревня станет жертвой социального нивелирования и серьезных политических потрясений. Вряд ли можно сомневаться, что зависимость крестьянства от свободных рыночных отношений капиталистического хозяйства не даст ему возможности освоить технический прогресс и вызовет ряд тяжелых последствий, наблюдаемых на Западе, в виде распада патриархальной семьи, разрушения семейной общины, пролетаризации мелких землевладельцев, бегства от земли и проч.³⁾

Разрушение почти натурального крестьянского хозяйства в Центральной Европе и прежде всего на Балканах совпало с развитием мирового аграрного кризиса, вызванного небывалым ростом производительности труда в сельском хозяйстве Америки, Канады, Аргентины и Австралии. В течение 1927-1933 г.г. не только увеличивалось количество зерна, производимого на прежде разработанных участках земли, но и непрерывно росла посевная площадь во всех странах, экспортирующих зерно, в частности пшеницу. Одновременно повсюду наблюдалось накопление больших стоков сельско-хозяйственных продуктов, не находивших сбыта даже в период высокой конъюнктуры до наступления мирового кризиса; лишь неурожай 1934 года несколько разгрузил мировые склады зерна, не мня, впрочем, общей ситуации, вызванной механизацией и химизацией сельского хозяйства.⁴⁾ Вит этих общих причин положение крестьянства в Центральной Европе было подорвано сильным измельчанием его хозяйства и крайней задолженностью, вызванной отчасти бурным притоком свободных капиталов в сельское хозяйство Германии, Австрии и аграрных стран Юго-Востока. В частности на Балканах переход крестьянства от почти натурального хозяйства к денежному сопровождался земельной спекуляцией и ростом задолженности, не имевшей прямого отношения к финансированию производственного процесса. Быстрое повышение товарности крестьянского хозяйства в Чехословакии, Польше и на Балканах, наблюдаемое с 1919 года, объясняется выходом крестьянского зерна на мировой рынок вследствие разрушения крупного землевладения рядом аграрных реформ, возникавших стихийно под влиянием крестьянских восстаний (как это было в Румынии и Болгарии), или проводившихся сознательно государством (как это имело место в Югославии и Чехословакии). Уничтожение «земельного голода» и предоставление крестьянам возможности производить пшеницу и кукурузу на мировой рынок, в результате аграрных реформ, могли бы иметь

3) См. Giselher **Wirsing**, *Zwischeneuropa und die deutsche Zukunft*. Diederichs Verlag. Jena. 1932; **Derselbe**, *Der Standort des Bauern*. Tat. April 1930. S. 30 ff.

4) См. V. **Timoschenko**. *World agriculture and the depression*. Michigan Business Studies. 1933.

болѣе положительное значеніе, если бы законодатель проявил большую осторожность и не давал себя увлечь соображеніями націоналистическаго характера. К сожалѣнію, значительная часть помѣщичьей земли досталась различнымъ элементамъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго представленія о работѣ в сельскомъ хозяйствѣ. Такъ многіе военные инвалиды, добровольцы и вдовы, получивъ отъ государства землю даромъ или за безцѣнокъ, охотно продавали ее по высокой цѣнѣ крестьянамъ или попадали в руки спекулятивныхъ земельныхъ обществъ. Было также много случаевъ, когда спекулянты входили в сношенія с государственными распределительными органами или скупали за безцѣнокъ секвестрованные помѣстья земельныхъ магнатовъ. Вовлеченіе крестьянства в земельную спекуляцію сопровождалось в большинствѣ странъ стихійнымъ увеличеніемъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія с помощью ростовщическаго капитала. Притокъ здоровыхъ инвестиций в сельское хозяйство Польши, Чехословакіи и балканскихъ странъ нерѣдко задерживался вслѣдствіе многочисленныхъ аграрныхъ реформъ, не доводимыхъ до конца или мѣнявшихся в процессѣ проведенія. Тотъ же самый процессъ земельной спекуляціи и «кредитной лихорадки» замѣчался наканунѣ міроваго кризиса в Германіи, Австріи и Венгріи, гдѣ не было послѣ войны послѣдней ликвидаціи крупнаго землевладѣнія. Но все же нездоровая задолженность крестьянства происходила в этихъ странахъ не столько в силу неустойчивости юридическихъ формъ землевладѣнія, облегчавшей притокъ ростовщическаго капитала в деревню, сколько по причинѣ большого интереса, проявленнаго иностранцами к финансированію національныхъ хозяйствъ Средней Европы. В частности в Германіи, в которой сельское хозяйство освободилось отъ ипотекъ в періодъ инфляціи, притокъ иностранныхъ капиталовъ создалъ в теченіе 5-6 лѣтъ новую задолженность до 10 миллиардовъ золотыхъ марокъ. Нельзя также забывать, что положеніе крестьянскаго хозяйства в Центральной Европѣ было ухудшено ростомъ государственныхъ расходовъ, вызванныхъ отчасти широкимъ субсидированіемъ частнаго хозяйства за счетъ мелкихъ налогоплательщиковъ. По подсчетамъ, хотя-бы и нѣсколько спорнымъ, сдѣланнымъ расистскимъ экономистомъ Даррѣ, нѣмецкій крестьянинъ отдавалъ государству в формѣ налоговъ до 2/3 своего дохода и послѣднюю треть терялъ в пользу своихъ личныхъ кредиторовъ. Согласно оффиціальной австрійской статистикѣ убыточность лѣсного хозяйства еще в 1934 году составляла 12 шиллинговъ на гектаръ, а горнаго крестьянскаго хозяйства даже 40 шиллинговъ; главная причина убыточности усматривалась при этомъ в высотѣ федеральныхъ и коммунальныхъ налоговъ. К тому-же переходъ крестьянства отъ натурального хозяйства къ денежному, сопровождавшійся — какъ мы видѣли — небывалымъ ростомъ земельной спекуляціи, нездоровой задолженности и налогового бремени, совпалъ с міровымъ аграрнымъ кризисомъ, вызваннымъ технической революціей в сельскомъ хозяйствѣ заморскихъ странъ,

вывозящих зерно в Европу, и восстановлением зернового хозяйства в Германии, Чехословакии, Италии и Австрии, являвшихся важнейшими потребителями венгерского и балканского зерна. Падение на 60 процентов общего уровня цен на аграрном рынке создало несостоятельность средне-европейского крестьянина, связанного с мировым рынком, но лишенного возможности приостановить уплату налогов и процентов по частным займам. Как же реагировало государство в отдельных странах Центральной Европы на катастрофическое положение крестьянского хозяйства?

Прежде чем государство решилось прибегнуть к радикальным мерам последнего времени, оно стало бороться с измельчением частного землевладения и задолженностью крестьянства рядом паллиативов в виде частичного восстановления латифундий (как это было в Польше и Румынии) и удешевления земельного кредита созданием специальных кредитных учреждений (как это имело место в Югославии). Вскоре этих мер оказалось недостаточно, ибо новые крупные поместья не были в состоянии поглотить значительную часть деревенского пролетариата, давившего на объединившее крестьянство, вследствие сокращения экспорта и высоких накладных расходов, а понижение процентов по ипотечным займам неизбежно отставало от безпрерывного катастрофического падения цен на зерно и сырье внутри и вне пределов национального хозяйства. Борьба государства с аграрным кризисом становилась тем более трудной, что общественное мнение не поддерживало активного вмешательства власти в сельское хозяйство и сочувствовало превращению мелкого и задолженного земледельца в настоящего капиталистического предпринимателя на американский образец. При этом не учитывалось, что консервативный крестьянин Центральной Европы не был подготовлен к роли фермера-рационалиста и не сумел правильно использовать даже предшествовавший период хозяйственного подъема. Ведь, не следует забывать, что немецкий, чешский, польский и балканский земледельцы, сохранивший со своей землей и собственностью такую «биологически-растительную» связь, пока еще не отдает себе отчета в необходимости правильной калькуляции себестоимости и не понимает, что расширение и интенсификация производственного процесса в сельском хозяйстве подчиняются ряду естественных законов. В период высокой конъюнктуры до наступления мирового кризиса крестьянин Центральной Европы расширял с помощью заемного капитала производство зерна в полном забвении непреложного факта, что всякая последующая затрата капитала и труда становится менее продуктивной и рост продукции влечет за собой сверхпропорциональное падение цен. Как только государство ощутило необходимость изъять крестьянское хозяйство из более или менее свободной игры товарно-денежных сил и отношений, оно не побоялось приступить к установлению минималь-

ных цѣн на зерно, к созданию частичной монополіи внѣшней торговли и к принудительному регулированию крестьянской задолженности. Государственное вмѣшательство в сельское хозяйство приняло радикальныя и разнообразныя формы, но было нерѣдко лишено продуманности и плана. Еще в 1930 году, когда цѣна на зерно стала рѣзко понижаться и сербскій крестьянин оказался непомерно задолженным; правительство Югославіи ввело государственную монополію на вывоз пшеницы и ржи, не взирая на убыточность для государства скупки зерна внѣ всяких контингентов. В результатѣ создано искусственное повышение цѣн на зерно внутри страны, и крестьянин Югославіи стал сбывать свои продукты за счет мѣстнаго налогоплательщика, не считаясь с катастрофическим паденіем цѣн на мировом рынкѣ. Впослѣдствіи этой мѣры оказалось недостаточно, и государству пришлось объявить мораторій по крестьянским долгам. Приблизительно на тот же путь встали и другія страны Центральной Европы. Так Венгрія, Румынія и Болгарія вмѣнили государству в обязанность субвенціонировать и контролировать вывоз зерна; Польша пошла еще нѣсколько дальше, предоставив государству право контролировать вывоз всей сельско-хозяйственной продукции; Чехословакія ввела клѣбную монополію, а в Германіи государство планирует, а отчасти, сосредоточивает в своих руках импорт аграрных продуктов. **Широкое развитие экспортных премій и радикальных мѣр, ограничивающих ввоз иностранных сельско-хозяйственных продуктов, наблюдается в Польшѣ и Чехословакіи.** Ввозныя пошлины на аграрные продукты получили за послѣднее время небывалое развитие. В качестве примѣра достаточно указать, что пошлинная ставка на двойной центнер пшеницы поднялась в Германіи с 7,5 марок в 1930 году до 35 марок в 1934 году; за тот же період аграрныя пошлины Австріи и Италіи по меньшей мѣрѣ удвоились. Мораторій по крестьянским долгам, принудительное пониженіе процентной ставки по ипотекам и разсрочку налогов примѣняют Венгрія, Румынія и Болгарія. Германія пошла еще дальше остальных промышленных стран Центральной Европы, не только уменьшая налоговое бремя и запрещая принудительную ликвидацію задолженных крестьянских дворов, но и введя государственное контингентированіе ежегоднаго производства пшеницы и ржи, чтобы обезпечить крестьянину достаточный сбыт и справедливую цѣну. Все же нельзя отрицать, что всѣ эти формы государственнаго вмѣшательства в сельское хозяйство имѣют временный и случайный характер. Защита крестьянства частичной монополіей внѣшней торговли, государственным контролем над производством зерна и субсидіями наблюдалась в послѣднее время и в таких странах, как Норвегія, Швеція, Голландія и Швейцарія, в которых сельское хозяйство не переживает столь рѣзких структурных измѣненій, как в промышленных и аграрных государствах Средней Европы, явля-

ющихся важнейшими производителями и потребителями европейского зерна и текстильного сырья. Субсидирование сельского хозяйства прямым или косвенным путем, обременяющее крестьянина в качестве налогоплательщика, не может продолжаться до бесконечности. Даже столь радикальная мера, как прямое планирование производства в сельском хозяйстве, может дать положительные результаты лишь в случае создания крупного крестьянства, не зависящего всецело от товарного рынка.

Характерно, что крестьянство Центральной Европы уже давно ощутило необходимость перехода к каким-либо новым юридическим и экономическим формам общегития, которые дали бы возможность сохранить «сакральный» характер земельной собственности и освоить технической прогресс, не прибегая к радикальной ломке деревенских навыков и патриархального быта семьи. Переход от почти натурального хозяйства к денежному, сопровождавшийся измельчением крестьянского хозяйства, его пролетаризацией и задолженностью, не мог не вызвать психологического отталкивания деревни от капитализма и материализма. С другой стороны, разочарование в советском коллективизме и боязнь классовой борьбы, неизбежно приводящей к диктатуре города над деревней, создали в Центральной Европе большое крестьянское движение, направленное против марксизма и интегрального этатизма.

Еще задолго до мирового кризиса и реформ Вальтера Дарре в Германии, оказавших большое влияние на настроение австрийской, венгерской и балканской деревни, многочисленные крестьянские партии Средней Европы стекались под знамя «Зеленого Интернационала», имевшего свое постоянное бюро в Праге. Первоначально это движение, отрицавшее марксизм и капитализм, имело своей основной целью активную борьбу с советской пропагандой болгарских и хорватских аграрных лидеров, примкнувших к красному крестьянскому блоку в Москве. Одновременно чешские руководители «Международного Аграрного Бюро» в Праге стремились использовать это движение в интересах «неославизма», проповедывавшего отрыв западного и южного славянства от марксистской России и его политическое и экономическое объединение на основе крестьянской демократии. Быстрые успехи «Зеленого Интернационала» и включение в его состав крестьянских партий большинства европейских стран покончили с панславянской идеологией и превратили Аграрное Бюро в Праге, руководимое крестьянскими лидерами Малой Антанты, в организационный центр крестьянского движения, направленного против марксизма и либерализма в интересах крестьянской демократии и кооперации. Все же нельзя отрицать, что «Зеленый Интернационал» является отчасти случайным объединением многочисленных крестьянских партий, имеющих разные положительные программы и совпадающих лишь в одном

— в отрицании. Даже центральная идея крестьянской демократии различно понимается чехами и немцами, в особенности послѣ аграрных реформ в фашистской Германии и корпоративной Австрии. К тому же некоторые балканскія партіи и в частности сербскій Союз Земледѣльцев, впадают в радикализм, проповѣдуя націонализацию крупной промышленности и банков. Если все же можно говорить о некотором влияніи «Зеленаго Интернаціонала» в Чехословакии и на Балканах, то это объясняется частым слияніем аппарата крестьянских партій с аппаратом мощной кредитной кооперации.⁵⁾ Послѣ аграрных реформ в Третьем Рейхѣ, плановых мѣропріятій в Венгрии и сильнаго паденія экспортных операций аграрных стран, замѣчается некоторое разочарованіе в основных цѣлях «Зеленаго Интернаціонала». Видѣ, событія послѣдних лѣтъ показали, что кооперация, облегчающая положеніе мелкаго земледѣльца, работающаго на рынок, не могла предохранить его от пролетаризации, ибо не обеспечивала ему достаточнаго сбыта при сохраненіи его нездоровой зависимости от товарнаго рынка. Да и идея реконструкціи Средней Европы на основѣ крестьянской демократіи утратила свою популярность со времени ускоренія темпа индустриализации аграрных стран, вынужденных перерабатывать свое сырье, потерявшее рентабельный сбыт за границей. Крестьянство в Центральной Европѣ начинает приходить к выводу, что кооперация даст большіе положительныя результаты лишь в том случаѣ, если она не помѣшает возрожденію связанных форм землевладѣнія и ограничится рационализацией и удешевленіем сбыта излишних продуктов крестьянскаго хозяйства, неизбежно возстаивающаго свой патриархальный и как-бы натуральный характер.

Еще задолго до аграрных реформ в Третьем Рейхѣ и корпоративной Австріи, многіе авторитетные экономисты Центральной Европы (в том числѣ Отмар Шпани и Милан Ившич) ратовали за принудительное возстановленіе наследственных крестьянских ферм, семейных общин и сельско-хозяйственных цехов. Можно предполагать, что сохраненіе крупных наследственных ферм и «задруг», не зависящих от случайнаго спроса на товарном рынкѣ и лишенных капиталистическаго стимула к рентабельности, предохранило бы крестьянство Средней Европы от земельной спекуляціи, кредитной лихорадки и перепроизводства послѣдняго времени. К сожалѣнію, законодатель не рѣшился поддержать старыя связанныя формы землевладѣнія в том видѣ, в каком онѣ исторически сложились в Германии и на Балканах. Наследственныя формы в видѣ крестьянских майсрагов и мипоратов сохранились послѣ войны только в Австріи, Чехословакии, в сѣверной и восточной Германии и, отчасти, в западной Польшѣ. Но эти круп-

⁵⁾ См. Otto von Franges, Die grüne Internationale. Wien. 1931.

ныя наследственные фермы обременялись ипотеками в пользу братьев владельца, злоупотребляли заемным капиталом и всецело зависели от постоянного колебания рыночных цен. Только в Германии, начиная с сентября 1933 года, имѣет мѣсто принудительное превращеніе крестьянских дворов, владеющих от 8 до 125 гектаров земли, в наследственные фермы в их болѣе совершенной формѣ крупных хозяйств, не имѣющих права продавать свое недвижимое имущество и обращаться к заемному капиталу без разрѣшенія особаго суда, не обремененных ипотеками в пользу семьи собственника и предохраненных государственными контингентами от перепроизводства и пролетаризации. Чтобы помѣшать превращенію наследственных ферм в простое «кулацкое» хозяйство, расистскій законодатель не только затрудняет получение заемных капиталов, но и предоставляет право мѣстному крестьянскому «вождю» отстранить собственника от владѣнія его фермой в случаѣ, если «майоратный суд», учрежденный при обыкновенном судѣ и состоящий отчасти из крестьян, признает его неспособным служить продовольственным интересам націи. Даже больше того, всякій крестьянин может лишиться своей собственности в пользу законнаго наследника, если это предпишет «имперскій крестьянскій вождь» по соглашенію с мѣстным майоратным судом. Для финансирования наследственных ферм, отрѣзанных законом от рынка частных капиталов, предполагается созданіе особых государственных кредитных учреждений.⁴⁾ Положеніе семьи крестьянина облегчается предоставленіем младшим сыновьям дешеваго земельного надѣла из фонда государственных земель в районах внутренней колонизации и обязанностью крестьянина содержать любого члена своей семьи за счет движимаго имущества. Все-же наследственные фермы Третьаго Рейха имѣли-бы нѣсколько «реакціонный» характер, если-бы закон не предоставил право братьям и сестрам фермера требовать через майоратный суд убѣжища и работы на фермѣ в случаѣ невозможности получить заработок на сторонѣ. Это постановленіе облегчает эволюцію наследственных ферм в сторону «семейных общин», в которых власть главы семьи ограничивается государством в качествѣ арбитра. По данным официальной статистики сейчас уже имѣется в Германии миллион наследственных ферм, отвѣчающих аграрной программѣ націонал-соціализма и обрабатывающих болѣе половины всей посѣвной площади. Одновременно фонд свободных земельных участков, распределяемый государством, увеличился в восточных провинціях Рейха вслѣдствіе пожертвованія помѣщиками 50.000 гектаров земли. Есть много оснований предполагать, что новое аграрное законодательство Германии не пройдет незамѣченными в Австріи и Венгрии, гдѣ уже

⁴⁾ См. мою статью: «Германскій націонал-соціализм» («Новый Град», № 8) и Saure, W., Das Reichserbhofgesetz. Berlin, 1934.

давно наблюдается повышенный интерес к возрождению крестьянских майоратов. С другой стороны, стремление к связанным формам крестьянского хозяйства в таких странах, как Югославия, Болгария и Румыния, в которых семейная община освящена вековой традицией, приведет, по всей вероятности, к принудительному восстановлению задруги и других форм семейной общины, продолжающих владеть жалкое существование в некоторых районах Хорватии, Боснии, Македонии, западной Болгарии и восточной Румынии. В частности в Югославии идет большой спор о размере полномочий, которые следует предоставить главе принудительной задруги. Экономисты, сочувствующие авторитарному строю, рекомендуют наделять главу задруги неограниченной властью и образовать при нем совещательный орган из совершеннолетних мужчин и вдов. Напротив, сторонники трудовой демократии, руководимые хорватским ученым (католическим священником) Миланом Ившичем, не только не соглашаются на назначение главы семейной общины его предшественником, но и намечаются предоставить семейному совету право сместить выборного главу в случае единоличного распоряжения общей собственностью семейного коллектива. В какой бы форме ни была восстановлена семейная община на Балканах, вряд ли подлежит сомнению, что патриархальный строй, трудовая дисциплина, почти полное отсутствие принципа рентабельности и запрещение продажи родовой недвижимости предохранят балканское крестьянство от пролетаризации и морального разложения. В случае кооперативного объединения ряда задруг и других форм семейной общины, вся та часть крестьянского хозяйства балканских стран, которая окажется «укрупненной» вследствие семейного коллективизма, получит реальную возможность освоить технический прогресс, разрушающий слабое хозяйство крестьян-единоличников.

Коллективизация крестьянских дворов на семейной основе еще не даст полной возможности государству планомерно воздействовать на сельское хозяйство, лишенное характера органического цикла. Отсюда — стремление создать принудительную корпорацию сельского хозяйства, в которой все землевладельцы, арендаторы и сельские рабочие нашли бы не только орган объединения и профессионального представительства, но и орган оптимального регулирования их хозяйственной деятельности. Аграрная конституция корпоративной Австрии, направленная главным образом на преодоление классовой борьбы, а не на регулирование сельско-хозяйственной продукции, игнорировала предварительное укрупнение крестьянских дворов — что, однако, мешает корпорации проявлять свою функцию монопольного принудительного картеля. Закрытие профессии и установление членских контингентов внутри корпорации сдѣлают, по всей вероятности, необходимым слияние многочисленных маломощных хозяйств. За то в расистской Германии замечается радикальное планирование почти всей сель-

ско-хозяйственной продукции усилиями корпоративной иерархии, управляемой агентами идеократии. Аграрная корпорация Третьяго Рейха, объединяющая не только прямых земледельцев, но и отрасли промышленности и торговли, имѣющая отношение к сельскому хозяйству, контингирует производство, ликвидирует лишніа производственные единицы, ограничивает заработок посредников, указывает каналы торговли, предписывает твердыа цѣны и контролирует импорт аграрныхъ продуктов.

Разрѣшеніе крестьянской проблемы в промышленныхъ странах Центральной Европы не представитъ особой трудности, если государство понудитъ зажиточныхъ крестьянъ перейти к какой-либо формѣ связаннаго землевладѣнія и обезпечитъ ихъ при любой конъюнктурѣ дешевымъ государственнымъ кредитомъ и минимальнымъ сбытомъ продуктовъ по справедливой цѣнѣ в предѣлахъ, устанавливаемыхъ ежегоднымъ распоряженіемъ о контингентахъ. Пролетаризація мелкихъ крестьянскихъ дворовъ можетъ быть приостановлена в періоды депрессіи принудительнымъ переходомъ обѣднѣвшей части крестьянства к натуральному хозяйству, обезпеченному субсидіями государства в случаѣ многосемейности крестьянина и стихійныхъ бѣдствій. Не избѣжать промышленнымъ странамъ Центральной Европы и нѣкоторой «плановости» при опредѣленіи характера посѣвов. Уже и сейчасъ Германия и Чехословакія начинаютъ планировать производство аграрныхъ продуктовъ, запрещая домашнее производство нѣкоторыхъ родовъ сырья и фуража, импортируемыхъ в обмѣнъ на издѣлія отечественной промышленности, чтобы не повредить вывозу своихъ фабрикатовъ на Юго-Востокъ Европы. Почти такъ же ставится крестьянская проблема в Венгрии и на Балканахъ. Повидимому, и здѣсь государство будетъ вынуждено прибѣгнуть к принудительному возстановленію связанныхъ формъ землевладѣнія при укрупненіи крестьянскихъ дворовъ и к планированію производства важнѣйшихъ аграрныхъ продуктовъ, чтобы ослабить зависимость крестьянства отъ рынка и измѣнить характеръ его производства в строгомъ соотвѣтствіи с реальными возможностями экспорта в промышленныа страны Центральной Европы. В частности в Венгрии уже и сейчасъ наблюдается сознательное вмѣшательство государства в распорядокъ посѣвовъ в цѣляхъ форсированія производства льна и конопли, имѣющихъ сбытъ в Германіи, за счетъ производства пшеницы, теряющей свой рынокъ в главнѣйшихъ странахъ, потребляющихъ привозное зерно. Впрочемъ Венгрія и Балканы могутъ найти и иной выходъ изъ создавшагося положенія. Для нихъ пока еще нѣтъ прямой необходимости прибѣгать к коренной реконструкціи сельскаго хозяйства, если притокъ иностраннаго капитала даетъ возможность встать на путь широкой индустриализаціи, увеличивающей внутренней спросъ на аграрныа продукты и рабочія руки. При всей легкости такого выхода врядъ ли можно ожидать, что аграрныа страны Юго-Востока будутъ стремиться к

оптимальной автаркии. Вѣдь, в условиях современного технического прогресса; облегчающего быстрый темп индустриализации, производство фабрикатов скоро перерастет покупательную силу национального хозяйства, и это в момент индустриализации большинства стран и общего перепроизводства промышленных издѣлій. Правда, индустриализованныя Балканы могли бы рассчитывать на нѣкоторый сбыт своих фабрикатов на рынках Малой Азии и Африки, но постепенное завоевание Месопотамии, Аравии, Египта и Марокко японской промышленностью кладет конец легендѣ о неограниченных возможностях европейскаго капиталистическаго империализма. Можно было бы, наконец, искать выхода в объединеніи балканских держав в самодовлѣющую «Восточную Имперію, о чем так интересно пишет Франгеш,⁷⁾ но и тут отказ Болгарии и Албании примкнуть к «Балканской Антантѣ», и слабое развитіе торговых сношеній между Югославией, Румынией и Турціей, составляющих лишь 1 процент их торговаго оборота, дѣлают подобное разрѣшеніе проблемы трудно осуществимым. Значит, фактически остается только первый выход: обязательное пониженіе товарности мелких крестьянских дворов, принудительное возстановленіе крупных семейных общин и государственное планирование производства аграрных продуктов в строгом соответствии со встрѣчным планом промышленных стран Центральной Европы. Иными словами, производство зерна, теряющаго рынок, нуждается в замѣнѣ производством текстильнаго сырья и сои, пока еще имѣющих достаточный сбыт в Германіи, Австріи и Италиі.⁸⁾ Статистика не оставляет никакого сомнѣнія в том, что крестьянство Венгрии и Балкан, живущее экспортом зерна, нуждается в радикальных рѣшеніях. В самом дѣлѣ, еще в 1930 году промышленныя страны Центральной Европы и Италия нуждались в импортѣ 3,65 миллионн метр. тонн пшеницы; 1,73 милл. метр. тонн ячменя и 1,83 милл. метр. тонн кукурузы. Этому значительному спросу на привозное зерно (главным образом со стороны Германіи и Италиі) прогивостояли весьма скромные излишки Юго-Востока Европы, состоявшіе из 0,96 миллионн метр. тонн пшеницы, 1,53 милл. метр. тонн ячменя и 1,96 милл. метр. тонн кукурузы. Иными словами, Венгрия и Балканы были в состояніи покрыть только 31 процент ввозимой в Италию и Германію пшеницы. В 1933 году положеніе рѣзко измѣнилось. Аграрныя страны Юго-Востока, Чехословакия и Польша, произвели 129 миллионн метр. центнеров пшеницы вмѣсто 89 миллионн в предшествующем году, в то время как Германія и Италия прекратили импорт иностраннаго зерна. Больше того, Третій Рейх сам стал вывозить пшеницу и ячмень, допуская ввоз бал-

⁷⁾ См. Otto von Franges, Die wirtschaftlichen Beziehungen Jugoslawiens. «Weltwirtschaftliches Archiv». Januar, 1933.

⁸⁾ См. Giselher Wirsing, Deutschland in der Weltpolitik. Eugen Diederichs Verlag. Jena. 1933.

канской пшеницы лишь в том случаѣ, если он покрывался встрѣчным вывозом ржи и пшеницы. Италия допускала только 1 процент иностранной пшеницы при выпечкѣ бѣлаго хлѣба. Чехословакія и Франція совѣм прекратили импорт иностранной пшеницы. Голландія и Швейцарія строжайше контролировали ввоз зерна и ограничивали его до минимума. В импортѣ югославянской ржи чехи больше не нуждались, а ячмень даже сами начинали экспортировать. Единственным значительным потребителем венгерскаго и балканскаго зерна оставалась Австрія, но и она стала на путь національнаго самоснабженія.⁹⁾ К тому же емкость австрийскаго рынка никогда не превышала 0,5 милліона метр. тонн зерна — что не выдерживает сравненія с прежним спросом Германіи и Италиі. В началѣ 1934 года спрос на иностранное зерно со стороны Австріи стал еще слабѣе, ибо от 35 до 40 процентов ея потребности уже покрывалось національною продукціей.

Повсемѣстный неурожай в 1934 г. нѣсколько облегчил положеніе аграрных стран Средней Европы, но не измѣнил общей постановки проблемы. По данным официальной статистики ожидается, что Германія обойдется в 1935 году без импорта ржи и пшеницы, а Италия и Австрія покроют національною продукціей от 40 до 50 процентов своей потребности в пшеницѣ. В случаѣ-же новаго значительнаго урожая и отсутствія «военной конъюнктуры», положеніе, создавшееся в 1933 году, повторится с прямой неизбежностью.

Говоря о принудительном ограниченіи товарности крестьянскаго хозяйства, мы имѣем в виду не какую-либо стационарную систему, но напротив систему подвижную, дающую государству (или корпоративной іерархіи) возможность регулировать сельско-хозяйственное производство в зависимости от конъюнктуры и торговых соглашеній с иностранными державами. Так, напримѣр, Венгрія может сейчас повысить производство зерна (даже в случаѣ повсемѣстнаго урожая) вслѣдствіе значительных ввозных контингентов, предоставленных ей авторитарными правительствами Германіи, Италиі и Австріи. Не исключена также возможность, что спрос на аграрные продукты юго-восточной Европы поднимется, если намѣтится хозяйственный подъем под влияніем недавняго неурожая и общей военной конъюнктуры. Нѣсколько стимулирующее дѣйствіе может оказать также постепенное вытѣсненіе тропических растительных масел продуктами животноводства. Но всѣ эти «шансы» настолько условны, что зависимость крестьянства от рынка внѣшняго и внутренняго должна быть ослаблена. При этом регулированіе сельскаго хозяйства со стороны государства (или корпоративной іерархіи) окажется дѣйствительным лишь в том

⁹⁾ См. Elemer **Hantos**, Die Agrarüberschüsse der Donaustaaten. «Donau-Europa». № 9. Wien. 1933; Anton **Steden**, Der Agrarmarkt in Europa. Agrarverlag. Wien. 1933.

случаѣ, если оно будет касаться излишков почти самодостаточнаго хозяйства, мало зависящаго от случайнаго пониженія на рынкѣ.

Укрупненіе и оптимальная «натурализація» крестьянскаго хозяйства возможны и на чисто «регионально-производственной» основѣ в формѣ совѣтских колхозов — но это означало-бы (по крайней мѣрѣ для Средней Европы) ликвидацію крестьянства как самобытной социальной группы и его превращеніе в пролетаріат *sui generis*. Принудительное кооперированіе крупных и мелких крестьянских дворов на «производственной основѣ», т.-е. в духѣ опредѣленнаго производственнаго плана, означало-бы углубленіе социальной дифференціаціи в деревнѣ и ея санкционированіе со стороны государства. Лишь принудительныя семейныя общины отвѣчают идеалам современнаго «народничества».

Б. Ижболдин.

НА ПУТЯХ К НОВОМУ ГРАДУ

В старину то, что соответствует нынѣшним газетным и журнальным политическим обзорѣям, звалось «*theatrum europaeum*». Тогдашніе хроникеры не догадывались, какой глубокой смысл имѣло это слово. Европа тогда была подлинным театром, поприщем, на котором разыгрывалась трагедія, являющаяся по своей природѣ ничѣм иным, как борьбою воплощенныхъ сущностей. Всѣ участники того дѣйствія, которое мы называем исторіей, всѣ люди, всѣ их объединенія, всѣ учрежденія были воплощеніями, каждое, какой-либо опредѣленной идеи, и не было ни одной «чистой», отвлеченной идеи, т.-е. уже не идеи, а понятія, — но каждая идея жила в своем воплощеніи. Эта борьба идей-сил, идей-конкретныхъ величин, была страшно-напряженной, страшно-жестокой, — как это и подобает трагедіи, изобиловала всякаго рода ужасами не в меньшей степени, нежели трагедіи Шекспира; но, как у Шекспира, «страшное» всегда символизировало трагическое, имѣло глубокой внутренней смысл: ибо здѣсь — и в этом была сущность жизненной трагедіи, что сближает ее со средневѣковымъ литургическимъ дѣйством, — никто не игралъ за кого-то и для кого-то, то всѣ были в буквальномъ смыслѣ актерами (дѣятелями) и личина, которую носилъ каждый, была непосредственнымъ выраженіемъ его собственной конкретной личности. Церковь, государство, цари, народы, воины, ремесленники, земледѣльцы, всѣ одинаково были такими персонами — в двойномъ, первоначальномъ и производномъ значеніи этого слова (маска — личность), — как в театральнхъ дѣйствахъ, гдѣ в спискахъ «дѣйствующихъ лицъ» (*dramatis personae*) значились: Италия,